

Рецензии

Энциклопедический просопографический лексикон византийской истории и цивилизации / Сост. А. Г. Саввидис. Том 1: Амр—Альфиос. Афины: Метрон/Иолкос. 1996. 276 с: Εγκυκλοπαιδικό Προσωπογραφικό Λεξικό Βυζαντινής Ιστορίας και Πολιτισμού. Επιμέλεια εκδότης / Σαββίδης Α. Γ. Τόμος Α: Αμρ—Αλφίος. Αθήνα: Μέτρον / Ιώλκος, 1996. 276 σ.

В последнее время наряду с общими и частными исследованиями тех или иных периодов и аспектов византийской цивилизации появляется все больше работ качественно иного типа, по преимуществу тематических справочников и синтетических энциклопедий, претендующих на систематизацию разнообразнейшего материала, относящегося к очень широкому кругу вопросов истории Византии и сопредельных стран. С одной стороны, задачей подобных изданий является как можно более широкий охват предлагаемого материала, с другой — подобная работа по силам лишь большому исследовательскому коллективу. Отсюда возникает закономерная проблема выработки единого подхода к систематизации разнообразных по тематике данных и принципа расположения их в рамках издания.

Известны работы по просопографии византийской аристократии, столичной и провинциальной администрации, основанные как на нарративных (А. П. Каждан), так и на сфрагистических источниках (Ж. Лоран, Н. Икономидис, В. Зайбт, Ж.-Кл. Шене), по географии Византийской империи (издающаяся в Вене серия *Tabula Imperii Byzantini*), работы синтетического плана типа известного трехтомного словаря А. П. Каждана.

В этой связи представляет интерес и первый том рецензируемого издания. В рамках предполагаемых десяти томов авторский коллектив, возглавляемый А. Саввидисом, предлагает просопографический материал широчайших хронологических рамок — всего периода существования Византии (395—1453), а также географических — просопографию сопредельных государств, а также государств, существовавших в данный период в Средиземноморском бассейне и имевших какие-либо контакты с Византией, экономические, политические, культурные.

Содержание работы много шире названия, так как кроме собственно византийских персонажей здесь в большом количестве представлены лица, имевшие лишь косвенное отношение к культуре империи (например, Аверроэс, Авиценна, историки Азими и Альберт Ахенский) и к ее истории как на востоке (Аббасиды, Аглобиды, Фатимиды, Айюбиды), так и на западе — остготские, вестготские короли, Каролинги, лангобардские короли Италии (Адальберт), а также правящие династии Священной Римской империи (Саксонская, Штауфены, Люксембурги, Габсбурги). При этом дается хронология правления династий в целом, а также в отдельные леммы вынесены наиболее известные их представители, например Айюбид аль Адил (с. 115—116).

Естественно, что в Лексиконе представлена знать Латинской империи (д'Ангиены Аргона и Навплиона), а также отдельные выходцы с Запада, имевшие прямое (Анна-Агнесса Французская) или косвенное (Катрин де Куртенз, титулярная императрица Константинополя, и ее дочь Катрин Валуа, Екатерина Корнаро, королева Кипра) отношение к истории Византии. При этом в тех случаях, когда латинские правители того или иного центра Греции не были связаны родством, как, например, герцоги Афинские, приводится их перечень именно как Афинских герцогов, т. е. за основу берется не генеалогический, а географический принцип размещения леммы в справочнике. Это не совсем удобно для читателя, но в

данном случае оправдано необходимостью как можно более полного привлечения материала.

Из собственно византийских фамилий различного происхождения в Лексиконе фигурируют Ааронии, Агиохристофориты, Ангелы, Агиостефаниты, Агиофеодориты, Алакасы и многие другие. Обычно в лемме даны сведения о происхождении данного рода, перечислены его члены: в тех случаях, когда это представляется возможным, дан их *cursus honorum*. В то же время в том случае, когда информация о каком-либо из представителей фамилии достаточно репрезентативна, то он выносится в отдельную лемму с преномом и фамилией либо характеризуется в рамках леммы, выделенной по фамилии (Ангелы). В том случае, если имена совпадают, а фамилии неизвестны, составители приводят по возможности все омонимы. Так, в лемме "Адриан" названы пять человек, известных в VIII—XIII вв. (с. 117—120). Расписаны все представители рода Аэциев, а также Аэции, не имевшие к нему отношения. Варварские короли упомянуты под преномами — Атанарих и Афанэгисдос. Но было бы желательно приводить их имена в латинской транскрипции (ибо греческая вторична), что делалось ранее для д'Ангиенов и ниже для Альберта Ахенского или для Альдобрандини (с. 207).

При имени "Афанасий" названы два патриарха Константинополя и четыре патриарха Александрии, четыре патриарха Иерусалима, один православный и девять яковитских патриархов Антиохии, епископы Опунта, Афин, Коринфа и пр. В леммах "Александр" перечислены римские папы, патриархи Александрии и Константинополя, многочисленные епископы.

Как отмечалось выше, по иному принципу выделены леммы "Афинские герцоги" (с. 154—155), "эмиры Айдына" (с. 158—161, хотя нужно добавить, что "Айдын" как "Айдыноглу" было и фамилией, принадлежащей, однако, не Джунейду). В Лексиконе учтены как мученики и святые, например Екатерина Александрийская и св. Александра, так и лица негреческого происхождения, связанные родством с правящими родами Византии, например Екатерина Болгарская — жена Исаака Комнина (с. 163—165) (хотя, возможно, в одном из последующих томов она будет включена в лемму "Владиславичи"), Екатерина Гаттилузи — жена деспота Морей Константина Палеолога, Екатерина Заккариа-Асенина — жена деспота Морей Фомы Палеолога.

Не совсем ясно, почему в лемме "Акриты" перечислены разные фамилии (с. 184). То, что в различные периоды истории Византии по этой профессии могли иметь прозвище разные семьи, вполне возможно. Но включение сюда Дигениса, Акрита вряд ли правомерно. Это более литературный образ, нежели исторический персонаж.

Представляется не совсем корректным называть болгарского царя Ивана Александра Александром Иваном и помещать его среди Александров (с. 214—215). Существует определенная болгарская традиция, коей и желательно придерживаться. Почему-то отсутствуют цари Аваггии — Абазгии (Abasgia), имеющие прямое отношение к истории Византии и предшествующие Багратиони Грузии-Иверии. Остается ждать появления их в лемме в качестве царей Колхиды или, что вероятнее, Лазики (Lazikh), хотя это и неоправданно.

В Лексиконе фигурируют как Александры — царь Грузии Александр Великий (1412—1442), господа Молдавии и Валахии, — так и Алексеи: Алексей I и II Комнины, даже четыре псевдо-Алексея Комнина, Алексей III—IV Ангелы, Алексей V Мурзуфул, Алексеи I—V Великие Комнины Трапезунда. Множество Алексеев названо, но информация о них перенесена в соответствующие леммы при фамилиях Касианы, Комнины (еще не императорская фамилия, но род XI в.), Стратигопулы и пр.

Было бы желательно четко определять фамилии арабского происхождения, как, например, Музафары (с. 266—267). В "Аарониях" отсутствует Иоанн Аарон¹, нет основной статьи В. С. Шандровской с *cursus honorum* Аарона Болгарина². Нет Анны Комнины Ангелины Дукаины, жены Гийома Виллардуэна (см. *Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit*, далее — PLP № 1000).

Статьи Лексикона неровны по качеству, примеры чего приводятся ниже.

В нашу задачу не входит критика статьи об Авиценне, или Ибн Сине (980—1037) К. Мегаломматиса, по мнению которого, отец философа был членом секты Ассасинов — секты,

¹ См.: *Jordanov I. Le molybdo-bulle du vestes Jean Aaron // Palaeobolgaristica*. 1990. 14, 1. С. 106—110.

² Сообщения Государственного Эрмитажа. 1973. Вып. 37. С. 60—64.

появившейся, согласно работам востоковедов, только во второй половине XI в.: “Вопреки повторяющимся арестам... он не отказался от того чтобы... быть приверженцем радикальных шийтских взглядов”. Иной взгляд на Ибн Сину известной немецкой исследовательницы А. Шimmel: исламские ортодоксы до сих пор не признают его как мыслителя из-за его рационализма. «Разумеется, — пишет Мегаломматис, — что в своей “Физике” он более... передовой философ, чем Стагирит», но это отнюдь не разумеется при сравнении его с византийским консерватизмом. Мнение автора о том, что различие *existentia* и *essentia*, которое Фома Аквинский заимствовал у Авиценны, не относится к Аристотелю, кажется правильным. Авиценна мало повлиял на византийцев, но отметим, что Плифон, *de differentiis*, благожелательно упоминает его в отличие от Аверроэса.

В статье об Аверроэсе, или Ибн Рошде (с. 54—57), К. Мегаломматис отрицает оригинальность этого восточного философа. Больше интересуюсь внешними событиями его жизни, он все-таки намекает на то, что философ столкнулся [не] только с исламскими средними веками (аль-Газали), но [через свои переведенные на латинский язык сочинения] (в квадратных скобках мы добавили то, что делает изложение понятным) и с епископами Оксфорда, Кентерберри и Парижа.

Формулировки автора иногда очень неточны. Так, Мегаломматис упоминает полемику Аверроэса: “Тахафут аль Тахафут”, по переводу Трахтенберга — “Опровержение опровержения” (Философская Энциклопедия. Т. 2. С. 191), у него — “Суэта сует”, как будто бы Аверроэс цитировал Соломона по Екклесиасту. При этом он не сообщает нам, что сочинение было направлено против “мистика и реакционера” (Трахтенберг) аль-Газали. Иногда подобная неточность принимает и забавные формы (см., например, фразу об Авиценне: “Обстоятельства, неблагоприятные для исмаилитского фронта, принудили Авиценну быть постоянно под “паром” — с. 59). Можно констатировать, что хотя Лексикон не всегда строго научен, но, по крайней мере, стиль изложения материала местами является живым и непосредственным.

Хорошо написана статья Стелія Ламбакиса о Феодоре Агаллиане (74 сл.). Несмотря на некоторые библиографические дополнения, она, однако, в основном содержит не больше информации, чем упоминаемая им статья РLP № 94 от 1976 г., написанная Э. Траппом. То же можно сказать о статье об исихасте Каллисте Ангеликуде (81 сл.), где Ламбакис, однако, несколько лучше использует источники о нем, чем вышеназванный автор статьи в РLP № 145.

Ни один источник не сообщает нам, что государства Ангелов, Эпир и Фессалия, находились “сначала под греческим и затем под сербским протекторатом”, как утверждает издатель Лексикона А. Саввидис (с. 83), хотя их греческие правители выступали неоднократно противниками Никейских императоров и их преемников — Михаила VIII и Андроника II Палеологов (Эпир: РLP № 220: Михаил II, № 91042: Никифор I; Фессалия: № 208: Иоанн I, № 195: Феодор, севастократор). Некий Иоанн Ангел (№ 204), родственник Иоанна Кантакузина, был наместником Фессалии до 1348 г.

Совсем не обосновано утверждение Саввидиса об Ангелах как “династии Эпира... до османского завоевания в 1479 г.” Его таблица правителей Эпира, Фессалоники и Фессалии (с. 85) в своей второй половине полна ошибок. Исправим их: Эпиром в 1335—1356 гг. номинально правил Никифор II Орсини Ангел (РLP № 222, ср. № 16885, ему было в 1335 г. около семи лет), около 1350—1356 гг. здесь правил Симеон Урош (РLP № 21185), сводный брат Стефана Душана и супруг Фомаиды, сестры Никифора II. В 1356—1359 гг. правил Никифор II (его убийство албанцами в Арте означало конец византийского правления Эпиром). С 1359 г. по 1365 г. в Эпире преобладали албанцы, а именно: Петр Лиоша (№ 14983), правитель Арты с 1359/60 г. по 1373/74 г., когда ему наследовал Гин Спата (№ 26523). С 1366/67 г. по 1383 г. (а не по 1384 г., как кажется, см. № 30141) серб Фома Прелюбович (№ 23721), супруг Марии Палеологины Ангелины Комнины Дукаины (№ 21393), дочери Симеона и Фомаиды, был правителем Янины. После его убийства в 1383—1384 (?) гг. Мария с ее благочестивым братом Иоанном Урошем, он же монах Иоасаф, правила городом и его областью. Около 1385—1411 гг. Эпиром (Яниной) правил Эсау дей Буондельмонти Аччайиуоли (№ 8147), который сначала женился на Марии, в 1396 г. — на Ирине Спате и в 1402 г. — на Евдокии Балчич. С кончиной Марии, дочери Симеона Уроша, внушки византийской принцессы и по линии матери праправнучки предпоследнего деспота Эпира из мужской линии Ангелов, исчезла в 1394 г. и последняя капля крови Ангелов у деспотов Эпира.

Буондельмонти всецело зависел уже от османов. Через двадцать дней после его смерти в 1411 г. его сербская жена была изгнана из Янины вместе с сыновьями. В том же году янин-

цы передали город племяннику Буондельмонти, сильному правителю Кефалонии Карло I Токко (PLP № 29004, статьи о Токко написаны покойным коллегой С. Капланерисом), который правил Эпиром до своей смерти в 1429 г., отвоевав в 1416 г. у албанских Спат и Арту. В 1429—1448 г. Эпиром правил его племянник, Карло Токко II (№ 29005), а уже в 1430 г. он утратил Янину, завоеванную османами, которым он должен был платить дань за остатки территории своих владений. Его сын, Лионардо III Токко (№ 29007), потерял в 1449 г. Арту и в 1479 г. лишился последних эпирских владений.

Что касается правителей Фессалии, то ею правили: Симеон Урош — ок. 1350—1356 гг. (с наместником Прелюбом в 1348/49—1355/56 гг.) и после правления брата своей жены Никифора II Орсини Ангела вновь в 1359—1371 гг., с 1372 г. — его сын Иоанн (Иоасаф), который отказался от власти в пользу Алексея Филантропина Ангела, женатого на сербке (№ 29750). Через последнего Фессалия формально вернулась под византийскую власть. В 1389 г. он должен был посетить вместе с деспотом Янины султана Баязида I. Его преемником в 1392/94 гг. был Мануил Филантропин Ангел (№ 29771). Эта семья Филантропинов Ангелов имела хорошие отношения с османами до и после 1403 г., в котором султан Сулейман Челеби (№ 26323) вернул византийцам все их владения от Стримона до Зитуния (Ламии). Через сына (?) Михаила (№ 19150) Мануил был дедом (?) великого везира Махмут-паши (№ 17538), который увенчал свою карьеру в 1470 г. завоеванием Евбеи, и великого воеводы сербов Михаила Ангеловича (№ 19154), также друга османов. Брат Иоанна-Иоасафа Уроша, Стефан (№ 26766), будучи менее гибким политиком, потерял свое владение Домокос, завоеванное в 1393 г. турками.

Р. Радич в своей статье о константинопольском патриархе Афанасии дает общее описание жизни и деятельности этой яркой личности. Явных ошибок здесь нет. Статья Х. Ф. Г. Байера 1976 г. (PLP № 415), в которой он связал данные из его Жития со сведениями Пахимера, еще не используя издание его писем А. Тэлбот (Talbot), содержит больше биографических сведений. О социальной стороне его деятельности в первые годы XIV в., за которую Афанасия хвалят даже исследователи, негативно оценивавшие его деятельность в целом, у Радича не идет и речи. Важно было бы отметить крайний антиинтеллектуализм Афанасия, расцветший после него вновь в деятельности паламитов, которые ссылались на него, и указать на антиеврейскую и антиармянскую направленность его деятельности во время его второго патриаршества, в частности, попытки выселить еврейскую и армянскую общины из Константинополя.

Из статьи Ст. Ламбакиса об Афанасии II Александрийском (139 сл.) мы узнаем немного меньше, чем из посвященной ему же статьи Х. Ф. Г. Байера в PLP № 413.

Об очевидном интересе к описываемому лицу свидетельствует подробная статья Ст. Музакиса, инженера по профессии, об Афанасии Афоните, основателе Лавры на Афоне (с. 144—148). Однако она содержит некоторые ошибки. Афанасий не стал духовным наставником Льва Фоки, брата Никифора, но скрывался от него. Инициатива основания монастырского общежития на Афоне исходила не от Афанасия, но от Никифора. Даже тогда, когда последний послал Афанасию деньги для основания обители через Мефодия, тот еще не соглашался с его планами. При своем бегстве после прихода Никифора к власти Афанасий достиг только Кипра, а не Палестины. В библиографии не упоминаются ни критическое издание Жития Афанасия Жаком Норэ (Noret) 1982 г., ни работы П. Лемерля и Дионисия Папахрисанфу в Actes de Laura I и в Actes du Protaton. Отсутствует и ссылка на благочестивую и хорошо написанную греческую книгу Никодимоса Неоскитиотиса Билалиса о жизни Афанасия.

Статья об Афанасии, основателе монастыря Богоматери в Метеорах (151 сл.), написана совместно Р. Радичем и А. Саввидесом. Здесь учтена литература, изданная после 1976 г., даты написания статьи Х. Ф. Г. Байера о нем (PLP № 359). В статье упоминается Григорий Синаит как духовный образец Афанасия и Григорий Политис как духовный отец его. Фамилия Политис основывается на неправильной транскрипции прозвища Стилитис в издании Жития Афанасия Веисом. Этот Григорий жил определенное время на Стилосе, одной из скал Метеор (см. PLP № 91732). Авторы статьи смешивают эти данные и предполагают путешествие Афанасия в Константинополь, где он “познакомился со стилитом Григорием Синаитом” (!). Байер возражает авторам и в том, что, по его мнению, монахи Метеор не отличались особенным паламизмом.

Довольно неясной и отчасти ошибочной является статья Евы Маламоглу об Эмирате Айдын (с. 158—161). Утверждение, что историки связывают расширение и укрепление его

с равнодушием Михаила VIII к судьбам Малой Азии, вводит в заблуждение, потому что с 1308 г. как союзник каталанцев и как первый деятель Айдына нам известен только будущий эмир его Мехмед Айдыноглу (PLP № 462). Мехмед осаждал Филадельфию и завоевал Смирну. Враг византийцев умер в 1334 г. Его преемником был не Умур, но Хетир (Хизир) (ср. аналогичную ошибку в PLP № 21059, исправленную Траппом — № 30795). Более могущественным правителем, однако, был Умур, бей Смирны. Отношения его с Андроником III и Кантакузином с 1335 г. в основном были хорошими, с Кантакузином даже дружескими. В 1342/43—1345 гг. он помог ему двумя походами во Фракию против центральной власти. Его присутствие нанесло ущерб Фракии будучи эпизодом гражданской войны. Но Умур, в отличие от поздних союзников его, османов, ничего не сделал в ущерб византийскому императору. Он дважды добровольно возвращается в Малую Азию. Осада им Филадельфии в 1348 г. незадолго до его гибели в Смирне от стрелы латинян была, кажется, его единственным после 1335 г. враждебным актом в отношении Византии. Быть может, флот, который угрожал Лесбосу в 1336/37 г., был отправлен именно им, но губернатор острова Алексей Филантропин договорился с противниками (PLP № 29752).

Статья Никоса Николудиса о Фоме Аквинском (с. 180—182) выгодно отличается от статьи в PLP № 7795, отражающей полную незаинтересованность автора (Трапп) в философско-богословских проблемах (все же нужна была бы ссылка на нее из-за перечисления им греческих источников, где упоминается Аквинат). Она содержит то, что ждет читатель от греческого лексикона в хорошем смысле слова: описание главных идей и ссылку на тех византийцев, на которых философ влиял, и тех, кто противодействовал его учениям.

Статья Евы Маламоглу о Григории Акиндине (182 сл.) кажется лучше продуманной, чем ее статья об эмирате Айдын. Даты его жизни “с 1290 — после 1351 гг.” возможны, но не доказаны. Часть богословских сочинений Акиндина недавно опубликовал Ж. Надал Канеллас (Canellas. J. Nadal. Gregorii Acindyni Refutationes duae // *Corpus Chistianorum, Series Graeca* 31. Turnhout, 1995. О вероятной смерти Акиндина уже до мая 1348 г. см.: Там же. С. 14 примечание 7).

Отсутствие строго научного подхода к освещению проблемы демонстрирует А. Саввидес также в своей статье о Георгии Акрополите (с. 193—195) с ошибочными подробностями сведений о жизни этого византийского политика и ученого. Это явствует из сравнения ее со статьей Траппа в PLP № 518, отличающейся точностью и краткостью, типичной для автора большинства статей PLP, и со статьей Байера о Мануиле Оловоле № 21047.

Статья Никоса Николудиса об Алмогавах (Каталанской компании) в отличие от его статьи о Фоме свидетельствует о несколько ограниченном взгляде автора на историю. Ни одного слова о том, что причина грабежей до убийства Рожера де Флора была в том, что византийцы не платили своим наемникам. Неясно, в каком источнике автор почерпнул информацию о том, что каталанцы ограбили Филадельфию после освобождения города от турецкой осады. Слабый император Андроник II в 1304г. отозвал имевшего успех в Малой Азии каталанского полководца, чтобы он воевал против болгар, очевидно потому, что его собственный сын Михаил IX был столь неспособным военачальником, что не смог сам сделать эту работу, хотя государство в это время не только было временно освобождено от турецкой угрозы, но и помирилось с чрезвычайно опасными в то время сербами. Почти все политические и военные ошибки этого времени объясняются стολичной роскошью и бездельностью двора. Каталанский хронист Мунтанер (гл. 203) сообщает, что константинопольцы, несмотря на свое богатство, даже не кормили беглецов из Анатолии. С этой точки зрения лишь деятельность патриарха Афанасия была похвальным исключением. Что касается каталанцев, то можно сослаться на хорошо продуманную статью покойного С. Капаланериса о Роджере де Флоре (PLP № 24386), хотя и здесь, сотрудничая с коллективом исследователей Австрийской Академии наук, он не отказался от легитимной греческой точки зрения на события.

Не отвергая самой идеи освещения в просопографическом Лексиконе также проблемы акритов, в том виде, в котором они выступают в народных песнях и в знаменитом эпосе, мы полагаем, что эта попытка не может быть плодотворной без четкого определения методологии использования подобных преданий в качестве исторических источников. отождествления героев песен с историческими деятелями, особенно для IX—XI вв., и тем более в эпоху Юстиниана I, сделанные Манолисом Варвунисом (с. 184—190), со ссылками на А. Грегуара, предельно сомнительны. Важнее этих построений, на наш взгляд, образ мышления, который отображается в этой поэзии, а именно — критика императоров, отсутствие христи-

анской веротерпимости, так повредившей в конечном счете самой Византийской империи, рассказ о греческом герое, который наказывает вора по-мусульмански, отрезая ему руку (с. 185), о воюющих и мирящихся друг с другом воинах и мечта о сильном герое с императорскими атрибутами, который объединяет акритов и апелатов, наиболее ярко выступающая в эпизоде эпоса о похоронах двоеродного Дигениса в порфириновом саркофаге, вокруг которого собираются друг и враг.

Мы рассмотрели только часть статей-лемм Лексикона. Не все они равноценны. Можно констатировать как очевидные успехи, так и столь же очевидные неудачи рецензируемого тома, а именно: отсутствие единого подхода к объекту исследования, различный уровень включенных в него лемм, случайность некоторых из них, не имеющих прямого отношения к предмету (акриты).

Возможно, в ходе создания следующих томов молодой коллектив приобретет определенный опыт и будет более строго относиться к отбору включаемого в них материала. Предельно велика здесь роль редактора: он создает авторский коллектив, компонуется написанное, по возможности формирует единый подход к включаемому в лексикон материалу, что в конечном счете определяет научный уровень издания.

Но и в данном состоянии рецензируемый том Лексикона представляет собой определенный интерес в качестве просопографического справочника по широкому кругу лиц, связанных с историей и культурой Византии.

Х. Ф. Г. Байер, В. П. Степаненко